Minbar. Islamic Studies. 2021;14(4)

DOI 10.31162/2618-9569-2021-14-4-778-795 *Original Paper*
УДК 94:322:2-674 *Оригинальная статья*

Конфессиональная политика большевиков Крымской АССР в 1920-1930-е годы

***Г. Н. Кондратюк*[1, 2a]**
[1]*ГБОУВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова», г. Симферополь, Российская Федерация*
[2]*Институт истории им. Ш. Марджани АН Республики Татарстан, г. Казань, Российская Федерация*
[a]*ORCID: https://orcid.org/0000-0002-4531-982X, e-mail: kondratjukkipu@gmail.com*

Резюме: В статье рассматривается конфессиональная политика в один из самых сложных для религиозных организаций периодов – 20–30-е годы XX века. В это время ведется активная антирелигиозная работа, создаются организации, призванные во что бы то ни стало «изжить» любые проявления религиозного сознания у советских граждан. На примере Крымской АССР рассматривается все многообразие этой политики как в отношении православного, так и мусульманского населения – от сравнительно лояльного отношения к религиозным организациям в 1920-х годах до событий «Большого террора» 1937–1938 годов.

Крымская АССР была многоконфессиональной республикой. Представители власти оказались перед необходимостью компромисса между борьбой с религией и стремлением не обострять конфликты с национальными меньшинствами. Антирелигиозная политика не должна была вступать в противоречие с политикой коренизации. На протяжении довоенного двадцатилетия антирелигиозная работа в Крымской АССР не реализовывалась в полную силу. Торможение в проведении антирелигиозной линии вызывали как неудачный подбор кадров, так и недостаточное финансирование проводимых антирелигиозных мероприятий.

Ключевые слова: антирелигиозная политика; Союз Воинствующих Безбожников; церкви; мечети; Крымская АССР

Для цитирования: Кондратюк Г. Н. Конфессиональная политика большевиков Крымской АССР в 1920–1930-е годы. *Minbar. Islamic Studies.* 2021;14(4):778-795 DOI: 10.31162/2618-9569-2021-14-4-778-795

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

© Г.Н. Кондратюк, 2021

Confessional policy of the Bolsheviks in the Crimean Autonomous Soviet Socialist Republic in the 1920-1930s

***G. N. Kondratyuk*[1,2a]**
[1]*Crimean Engineering and Pedagogical University after Fevzi Yakubov, Simferopol, the Russian Federation*
[2]*Sh. Mardzhani Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Kazan, the Russian Federation*
[a]*ORCID: https://orcid.org/0000-0002-4531-982X, e-mail: kondratjukkipu@gmail.com*

Abstract: The article examines confessional politics in one of the most difficult periods for religious organizations that are the 20–30s of the XX century. At this time, active anti-religious work was carried out, so there were created some special organizations supposed to get rid of any manifestations of religious consciousness among the Soviet citizens. All the diversity of this policy is discussed on the example of the Crimean Autonomous Soviet Socialist Republic. The policy that revealed the relation to the Orthodox and Muslim populations and took into account the national specifics of the region varied from relatively loyal attitude towards religious organizations in the 1920s to the events of the Great Terror of 1937–1938.

The Crimean ASSR was multi-confessional. The authorities faced the need to compromise between the fight against religion and the desire not to aggravate conflicts with national minorities. The anti-religious policy was not supposed to conflict with the policy of indigenousization. Throughout the pre-war twenty years, anti-religious work in the Crimean Autonomous Soviet Socialist Republic was not fully implemented and was poorly organized. The slowdown in the implementation of the anti-religious line was caused by both unsuccessful selections of the personnel and insufficient funding of the anti-religious activities carried out.

Keywords: anti-religious policy; Union of Militant Atheists; churches; mosques; Crimean ASSR

For citation: Kondratyuk G. N. Confessional policy of the Bolsheviks in the Crimean Autonomous Soviet Socialist Republic in the 1920–1930s. *Minbar. Islamic Studies.* 2021;14(4):778-795 (In Russ.) DOI: 10.31162/2618-9569-2021-14-4-778-795

Введение

Приход к власти большевиков был негативно воспринят представителями духовенства. В то же время новая власть в полной мере воспользовалась нарастающими противоречиями внутри самой церковной среды. Наряду с различными политическими партиями и общественными организациями, Русская православная церковь не оставалась в стороне от участия в противостояниях Гражданской войны. Часть духовенства заняла сторону белого дви-

жения, достаточно упомянуть в связи с этим архиепископа Димитрия (Абашидзе) и Севастопольского епископа Вениамина (Федченкова). Понимая, что «белый» террор не менее жестокий, чем «красный», епископ Вениамин (Федченков) составил докладную записку по результатам инспектирования войск барона Врангеля, стараясь не подменять понятия и называть вещи своими именами. Свидетельства «белого» террора можно увидеть и в мемуарах А. Деникина, П. Врангеля, М. Калинина.

Более лояльное отношение к большевикам основная часть духовенства выразила после свержения династии Романовых. Однако отношение новой власти к церкви осталось абсолютно радикальным. По мнению большевиков, к церкви должен был быть применен массовый террор.

Гражданская война для различных конфессий Крыма стала тяжелым испытанием, унеся жизни многих священнослужителей. Первые убийства начались уже в декабре 1917 года: в Севастополе прямо возле здания храма был убит настоятель Свято-Митрофаниевской церкви протоиерей Афанасий (Чефранов); недалеко от Севастополя революционные матросы убили архиепископа Иоакима (Левицкого); в это же время в своей квартире был убит священнослужитель отец Исаакий Попов. Сведения разнятся, однако некоторые источники утверждают, что только в 1920 году было убито более 60 священнослужителей. Но, несмотря на это, многие из них предпочли трагическую судьбу в Крыму эмиграции.

Конфессиональная политика большевиков в Крымской АССР

23 февраля 1922 года Всероссийским центральным исполнительным комитетом был принят декрет «О порядке изъятия церковных ценностей, находящихся в пользовании групп верующих», в скором времени отразившийся и на религиозных общинах Крыма.

Чуть более месяца понадобилось Крымскому ЦИК для принятия постановления (30 марта 1922 года), согласно которому православные храмы обязаны были сдать все материальные ценности в Народный комиссариат финансов. Сроки ограничивались 36 часами. Однако сложность состояла в том, что революция и Гражданская война нанесли крымским храмам огромный ущерб, многое было расхищено. Часть церковного имущества удалось сохранить прихожанам. Именно поэтому к постановлению Крымского ЦИКа было сделано дополнение, в котором прихожане, то есть хранители церковных ценностей, приравнивались к «совершителям краж». Вполне закономерно,

 ISSN 2618-9569

что действия власти сталкивались с сопротивлением как служителей церкви, так и прихожан [1].

Помимо повсеместного изъятия церковного имущества, в первой половине 1920-х годов начинается разрушение и закрытие храмов, сожжение икон. Источники свидетельствуют о значительном масштабе этих событий (в одном только Симферополе число снятых икон приближалось к 1000) [2, с. 14–15, 18–19]. Во многом этому способствовало решение 12 ноября 1924 года о создании общества «Безбожник», принятое на совещании Агитпропколлегии ОК РКП(б) Крыма. Спустя месяц на его базе был сформирован «Союз безбожников» под руководством М. Недима.

С мнением и действиями крымского населения ситуация обстояла неоднозначно. Одна часть поддерживала и принимала участие в закрытии и разрушении храмов, другая же была противником таких радикальных решений. Архивные материалы сохранили свидетельство о случае, когда органы власти пошли навстречу прихожанам. В поселке Сарыголь в 1930 году заведующим столом религиозных культов И.А. Демченко рассматривалось ходатайство о закрытии Екатерининской церкви и организации в ней школы. Заведующим было принято решение в пользу ликвидации церкви, однако НКВД Крымской АССР заключил следующее: ввиду того, что близлежащие деревни выступают против закрытия, временно позволить совершать в храме богослужения[1]. Подобные неоднозначные решения принимались, несмотря на активную пропагандистскую деятельность Союза безбожников. Известен, например, случай проведения религиозных обрядов в 1-й Советской больнице Симферополя. А в колхозе «Крымчак» Карасубазарского района за совершение обрезания раввин был вознагражден 10 пудами пшеницы из общественного фонда [2, с. 35].

Необходимо отметить, что население деревень Крымской АССР относилось настороженно к коммунистической идеологии. Например, в селе Покровское уполномоченным сельсовета являлся дьякон, здесь не было ни одного коммуниста или комсомольца. В этом же селе известен случай отказа родителей от обучения их детей в школе из-за того, что присланный учитель был комсомольцем. Собственно, сельское население, как правило, волновала не антирелигиозная политика, а гораздо более материальные вещи и непомерные налоги.

Даже в рядах Красной Армии чувствовались религиозные настроения. Известны случаи произнесения молитв перед выходом в дозор и перед обедом, происходившие в пограничной охране Крыма.

[1] Государственный архив Республики Крым (ГАРК). Ф. Р-663. Оп. 18. Д. 1. Л. 134, 193.

Вызывало беспокойство и моральное состояние крымской партийной организации. Процент членов партии, подвергавшихся различного рода проверкам и партвзысканиям, составлял 19,8%. В основном партвзыскания налагались за некоммунистические поступки (5,2% случаев) и за отрыв от партии (4,5%). Обеспокоенный сложившейся ситуацией РЛКСМ призывал партийные ячейки вести активную борьбу с религиозными настроениями и «прочими ненормальностями» в среде комсомольцев[2].

В 1927 году Агитпропотделу Крымского областного комитета ВКП(б) от организационного отдела Центрального Совета Союза Безбожников СССР были присланы материалы о работе местных объединений Союза Безбожников, в которых, в частности, отмечалось, что между центральным и местными советами практически отсутствует связь и взаимодействие. Центральный Совет СБ систематически высылал в адрес местных организаций информационные письма и напоминания, в которых описывалась неутешительная ситуация в решении данного вопроса. Отмечалось, что лишь в единичных случаях эти информационные письма достигали своей цели и Центральным Советом СБ были получены ответные сведения. Большая же часть местных организаций в последнее время отчитывалась о проделанной работе значительно реже, что негативно отражалось на всей антирелигиозной кампании. Были и те организации, которые в последние несколько месяцев перед центром не отчитывались вовсе. Как правило, местные организации СБ высылали планы своей работы, однако никакой отчетной информации не предоставляли. О результатах работы Центральный Совет узнавал из газет, писем и жалоб.

В конце 1920-х годов в ходе антирелигиозного совещания при ЦК ВКП(б) устав Союза Безбожников меняется в сторону инициативы и большей самостоятельности. Согласно новому уставу организации, республиканские, областные и краевые советы упраздняются.

На протяжении межвоенного периода антирелигиозная пропаганда особенно активно велась через печать. 21 декабря 1922 года вышел первый номер газеты «Безбожник», вскоре ставшей еженедельной. Необходимо отметить, что антирелигиозная пропаганда со страниц «Безбожника» постепенно усваивалась населением, в обиход входили высказывания, сформулированные газетой. Ярким примером этих процессов может служить выдержка из заявления из дела «О закрытии Екатерининской церкви в поселке Сарыголь города Феодосии»: «Случайно попав под влияние религиозного вероучения, я вступила в группу верующих. В настоящее время я поняла бессмысленность

[2] ГАРК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 384. Л. 14, 17.

 ISSN 2618-9569

религии, которой живут массы. Ибо культы верований служат лишь способом в интересах капиталистических стремлений и личной наживы служителей культа. Вообще же, религия – опиум для народа. 1925 год»[3].

События «Большого террора» не могли не отразиться и на немногочисленных священнослужителях Крыма. В ноябре 1937 года проходят многочисленные аресты. Внимание НКВД пало на Воскресенскую и Плещеевскую церкви. «Двадцатка» группы верующих Плещеевской церкви даже в это сложное время старалась проводить все церковные обряды и читала молитвы, что и определило дальнейшую судьбу ее состава. В Ялте чекисты отчитались об обнаружении и ликвидации «группировки церковников» из 12 человек, которые «нелегально собирались в специально приспособленной для этого усыпальнице, на кладбище, либо на квартире наставника церкви Савчинского и других. Прикрываясь обсуждением церковных дел, якобы вели контрреволюционные разговоры, которые были направлены на дискредитацию политики ВКП(б), советского правительства, а также предсказывали скорое падение коммунистов». Их обвинили в проведении агитации среди населения, призыве бойкотировать Выборы в Верховный Совет СССР, идти в Ялтинский горисполком, дабы пресечь попытку властей к закрытию церкви. Уже на следующий день все 12 человек были приговорены к расстрелу. Диакона Плещеевской церкви Антония (Коржа) в эти дни в городе не оказалось, поэтому на него было заведено отдельное дело, по возвращении (9 декабря) он был арестован. Следствие продолжалось почти неделю. Несмотря на то, что вещественных доказательств, свидетельствующих о его причастности к организации контрреволюционной деятельности, найдено не было, его обвинили по признаниям, которые были выбиты из арестованных ранее членов прихода, уже расстрелянных к этому моменту. В качестве свидетеля, оставшегося к этому времени в живых, был представлен бывший прихожанин Плещеевской церкви Г.И. Герасименко, который охотно дал нужные ЧК показания. В марте приговор привели в исполнение – Антоний (Коржа) был расстрелян [1, с. 7–16].

Жертвами «Большого террора» стали: иеромонах Владимир Пищулин, расстрелянный 10 декабря 1937 года [3]; священник ялтинского Александро-Невского собора Дмитрий Киранов, расстрелянный 4 января 1938 года за членство в контрреволюционной группе церковников (вины своей Киранов так и не признал) [4]; 14 февраля 1938 года за участие в греческой националистической организации расстрелян протоиерей симферопольской Свя-

[3] ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 221. Л. 3.

то-Троицкой церкви Николай Мезенцев; в апреле этого же года в Судаке по обвинению в шпионаже расстрелян священник Покровской церкви Иоанн Блюмович; 10 февраля 1938 года за распространение клеветнических слухов о жизни народа расстрелян иеромонах Варфоломей Ратных. Это лишь некоторые имена из списка жертв «Большого террора», пополняющегося до сих пор [3].

Массовые репрессии были прекращены 17 ноября 1938 года постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) «Об аресте, прокурорском надзоре и ведении следствия». Преследование церкви и аресты продолжались и на протяжении последующих лет, однако не носили при этом настолько массового характера.

Политика большевиков в отношении мусульман Крымской АССР

Мусульмане Крымской АССР в межвоенное двадцатилетие пережили один из самых сложных периодов в истории ислама на полуострове. Советская власть установила новые правила функционирования культовых зданий и организации при них общин. Всё религиозное имущество было национализировано и передавалось в аренду на основании соответствующего договора с так называемой «церковной двадцаткой». Обязательной являлась постановка на учёт устава каждой местной мусульманской общины и составление описей движимого и недвижимого имущества. Описи недвижимого имущества дают представление о техническом состоянии здания мечети, её параметрах, окружающей местности, потребностях в проведении ремонта.

Начало 1920-х годов в Карасубазаре характеризуется активной духовной деятельностью. В городе насчитывалось 17 действующих мечетей и только при одной из них не было муллы. Хатипом в соборной мечети Шер-Джами в Карасубазаре был Аметчелеби Осман Челеби. Он проживал в городе, владея домом по улице Аджи-Арслановской. На этой же улице располагалась одноимённая Аджи-Арслановская мечеть, где Осман Челеби также выполнял обязанности хатипа. Службу в мечетях Шан-Гирей и Аджибей возглавлял мулла Абдул Меджид, проживавший в приходе Аджи-Арслан. Мулла Сеит-Абла Сеит-Джелиль-оглу, проживавший в Карасубазаре на Старо-Аптекарской улице, был настоятелем в мечети Тахта-Джами. Мечеть Улухани и соответствующий приход возглавлял мулла Аджи Абдураман. Службу в мечети Бахчи-Эли проводил мулла Абдул Джепар. Мулла Сеит-Ибраим Челеби проживал в приходе Аджи-бей и возглавлял мечеть Шамрад. Мулла Абдул Джепар был настоятелем в мечетях Эльдрым и Чертерли, он проживал в приходе Эльдрым. Мулла Сеит Халиль был настоятелем мечети Адже-Мулла, проживая в этом

 ISSN 2618-9569

же приходе. Настоятелем мечети Хан-Джами (Ханджемо?) был мулла Сеит Якуб, проживавший в приходе Эльдрым. Мечеть Биюк-Джами в Карасубазаре возглавлял мулла Юнус Юип, живший в приходе Ханджами. В своём приходе проживал мулла Эмир Суин Шеих, бывший настоятелем мечети Ени-Джами. Мечеть Чурун-Такал-Джами и соответствующий приход возглавлял мулла Абдул Аблямит. Приход мечети Кара-Чора возглавлял мулла Сулейман Абла. Только лишь в мечети Али Эфенди не было муллы (умер незадолго до рассматриваемых событий)[4].

Мечети Шор-Джами и Хан-Джами Карасубазара были в аренде у групп мусульман. В мае 1929 года «церковные двадцатки», арендовавшие здания этих мечетей, отказались от продолжения договоров в силу финансовых факторов. Ситуация вокруг указанных мечетей кардинально отличалась от ситуации с другими культовыми зданиями[5]. В 1927 году Наркомпрос выделил деньги на реконструкцию зданий, имеющих историческую ценность. Учитывая их общекультурную и историческую значимость, из бюджета Наркомпроса были выделены финансовые средства для ремонта двух мечетей в Карасубазаре. Указанное событие носило беспрецедентный характер, поскольку государство никогда не финансировало своего идеологического противника в лице церкви. Материальная поддержка была осуществлена с подачи ОХРИСа Крымской АССР. Ему же и предполагалось передать здания мечетей на баланс после их закрытия. На своём заседании 7 мая 1928 года (протокол №83) президиум Карасубазарского районного исполнительного комитета рассматривал «материал о ликвидации мечетей Шор-Джами и Хан-Джами, находящихся в Карасубазаре, как находящихся уже в фактическом пользовании Крымохриса». В результате обсуждения принято постановление о согласии с ходатайством о ликвидации указанных мечетей и передаче их Крымохрису[6].

Ремонт мечетей проводился в июне и июле 1927 года. Желая снять с себя ответственность, из Наркомпроса Крымской АССР в Карасубазарский отдел народного образования был направлен документ, предполагавший возврат затраченных средств. Документом от 3 июня 1928 года предписывалось предъявить счёт религиозным общинам, пользующимся мечетями Хан-Джами и Шор-Джами, и взыскать с них суммы, затраченные на ремонт в прошлом году[7].

[4] ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 229. Л. 9об.
[5] ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 1576. Л. 1.
[6] Там же. Л. 3.
[7] Там же. Л. 4.

В мае 1929 года началось расследование о выделении средств на ремонт мечетей. В Народный комиссариат просвещения Крымской АССР 5 мая обратился начальник административной части АОУ Кичатов. В конфиденциальном документе автор писал, что «Адмотдел АОУ КымЦИКа считает этот факт грубым нарушением декрета об отделении церкви от государства и находит необходимым принятие с В/стороны мер к выяснению: не было ли ещё подобных нарушений со стороны В/органов на местах, а в данном случае предъявить к пользователям указанных мечетей требование о возмещении стоимости произведённого ремонта»[8]. Таким образом, предъявленный иск о возмещении затраченных денег из бюджета Наркомпроса был использован как инструмент давления. Цель – заставить отказаться от пользования мечетями Шор-Джами и Хан-Джами. Заведующий административным отделом АОУ ЦИК Крымской АССР Мартынов направил на имя заведующего Карасубазарским административно-организационным отделом документ под грифом «совершенно секретно». В нём, в частности, указывалось, что «имеется предположение, что в результате предъявления требования об уплате стоимости ремонта, произведённого в мечетях «Хан-Джами» и «Шор-Джами» в г. Карасубазаре, группы верующих сами откажутся от мечетей. Нами приняты меры через КрымНКПрос о предъявлении к группе верующих такого требования. Вследствие этого, проследите за тем, чтобы предложение НКПроса по этому поводу было выполнено, о результатах сообщите. Что касается возможности списания с группы верующих задолженности за произведённый ремонт указанных мечетей за счёт НКПроса (в случае отказа от мечетей), что не отвергая этой возможности, не давайте об этом никаких официальных заверений и документов»[9]. Представители власти стремились добиться того, чтобы верующие сами отказались от пользования мечетями. Заведующий административным отделом ЦИК Крымской АССР Мартынов разъяснял подчинённым правовую сторону процесса. В письме от марта 1928 года он, в частности, указывал, что из представленных заключений по вопросу о ликвидации мечетей Шор-Джами и Хан-Джами в г. Карасубазаре не видно, в чём именно заключается нежелательность нахождения этих мечетей в ведении верующих. Факт не производства ремонта не зафиксирован, и, во всяком случае, это не является основанием к постановлению о полной ликвидации этих мечетей как культовых зданий. Невыполнение договора в части, касающейся ремонта, может повлечь за собой только его расторжение и передачу мече-

[8] ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 1576. Л. 5.
[9] ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 1576. Л. 6.

 ISSN 2618-9569

тей другим группам верующих, которые обяжутся произвести этот ремонт[10]. 15 ноября 1928 года руководитель стола религиозных культов Карасубазарского РИКа Додул сообщал в административное управление ЦИК Крымской АССР о том, что иск предъявлен, а дело передано через юрисконсульта РИКа в народный суд[11].

Мусульманские общины попытались действовать в сложившихся условиях. 20 февраля 1929 года от уполномоченного мечети Хан-Джами Османа Аджи Абдуреима и уполномоченного мечети Шор-Джами Ибраима Аджи Исляма в Карасубазарский районный отдел народного образования поступило заявление. В нём представители общин отмечали, что за ремонт мечетей Хан-Джами и Шор-Джами отделу народного образования причитается около 1300 рублей. Ввиду того, что эти мечети не носят характера мечетей приходских, а являются мечетями районными, сбор денег (затраченных на ремонт) затрудняется. В связи с этим уполномоченные просили о предоставлении им трех месяцев для того, чтобы уведомить татарское населения Карасубазарского района о «необходимости уплаты этих денег. Надеемся, что в просимый срок нам удастся означенную сумму собрать и внести её в погашение своего долга. В случае несогласия населения о взносе означенной суммы мы обязуемся возвратить ключи от этих мечетей»[12]. Финансовая составляющая этого процесса оказалась решающей. Представители мусульманских общин не смогли собрать необходимую сумму денег. 4 мая 1929 года они обратились в стол религиозных культов при Карасубазарском РИКе. В заявлении писалось, что указанные средства на ремонт мечетей Хан-Джами и Шор-Джами собрать не удалось, поэтому «от мечети Шор-Джами отказываемся и возвращаем ключи»[13]. Так же сложилась судьба и второй мечети.

Органы власти начали обсуждение вариантов распоряжения зданиями мечетей. Руководитель стола религиозных культов ЦИК Крымской АССР Тунинский в заключении указывал, что мечети имеют историческую ценность и состоят на учёте Крымохриса, которым был произведен их ремонт как памятников старины. Тунинский предлагал использовать мечеть Шор-Джами для общественных целей, так как помещение «большое и крепкое». Нецелесообразным он видел и сдачу мечетей в пользование другим группам верующих, так как они являются памятниками старины, имеют историческую ценность и

[10] ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 1576. Л. 15.
[11] Там же. Л. 10.
[12] Там же. Л. 25.
[13] Там же. Л. 22.

находятся на учёте Крымохриса[14]. Как итог размышлений, Тунинский приходит к следующему заключению: «Считаю необходимым поставить вопрос на заседании Президиума КрымЦИКа с просьбой вынести решение о расторжении договоров с группами верующих выше указанных мечетей на добровольных началах, мечети как культовые здания ликвидировать, а как памятники старины оставить за КрымОХРИСом»[15].

В процессе закрытия мечетей принял участие и такой административный орган, как НКВД Крымской АССР. 24 сентября 1929 года начальник административного отдела НКВД Крымской АССР Романченко обратился с письмом к начальнику Карасубазарского административного отдела. В документе, в частности, указывалась необходимость провести следствие на предмет привлечения к уголовной ответственности должностных лиц, виновных в израсходовании государственных средств на поддержание религиозной организации[16].

В процессе расследования было выяснено, что поступление средств и ремонт мечетей Шор-Джами и Хан-Джами осуществлялись через Карасубазарский районный отдел народного образования. Карасубазарским РайОНО в 1927 году руководил известный деятель Джемалетдинов. В 1929-1930 годах он работал в центральных органах Народного комиссариата просвещения Крымской АССР. Им 18 июля 1930 года был подготовлен документ, рассказывающий о ходе реконструкции: «Все старинности (мечети, крепости-ташханы, дома, взятые на учёт КрымОХРИСом) музейного характера раньше и теперь находятся непосредственно в ведении Охриса НКПроса. Все расходы по ремонту и содержанию хранителя-уполномоченного этих старинностей производились и теперь производятся Крым НКПросом. При мне в 1927 году уполномоченным Крым НКПроса по охране старинности был назначен Крым НКПросом т. Шеих-Заде Аб. Во время ремонта Крым НКПросом была командирована специальная комиссия в составе следующих товарищей: профессор Голландский, директор Бахчисарайского музея Боданинский, ещё один профессор из Москвы (фамилию не помню). Средства на ремонт отпустил Крым НКПрос, так как все эти старинности находятся в бюджете КрымНКПроса. Вышеуказанная комиссия всю работу по ремонту вела самостоятельно, т.е. составляла сметы, заключала договоры с союзом на рабсилы, приём работы...

[14] ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 1576. Л. 23.
[15] Там же.
[16] ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 1576. Л. 38.

 ISSN 2618-9569

из местного бюджета, т.е. из бюджета ОНО, на ремонт старинности ничего не отпускалось»[17].

Схожие ситуации сложились и с другими мечетями Карасубазара.

Мечеть Узун-Чарши не имела прихожан на время массовой перерегистрации в 1922 году. В отношении здания мечети был нарушен установленный законодательными нормами порядок ликвидации. Здание мечети было разобрано в 1924 году, а оформлено постфактум в советском порядке. 15 марта 1925 года комиссия, включавшая руководителя Церковного стола Карасубазарского РИКа Н.П. Паливоду и городского техника Григорьянца, посетила место расположения бывшей мечети Узун-Чарши. В акте по итогам работы было отмечено, что мечеть Узун-Чарши снесена ОМХом ещё в 1924 году вследствие её ветхости, разобранный материал употреблён на ремонт других «полезных зданий ОМХа»[18]. За нарушение существующего порядка РИК Карасубазара пытался возложить ответственность на местное население. В обращении в ЦАУ Крымской АССР от 13 июня 1925 года отмечалось, что здание ликвидированной мечети Узун Чарши в г. Карасубазаре было ветхим, разрушено населением ещё во время голода[19]. Представители Карасубазарского РИКа лукавили, поскольку в документе от 15 марта писали, что «ОМХом снесена и разобранный материал употреблён на ремонт других полезных зданий ОМХа», а 13 июня того же 1925 года – «разрушено населением и материал растащен». В конечном итоге, на заседании Президиума ЦИК Крымской АССР от 27 мая 1925 года было принято правовое решение, оформлявшее состоявшееся событие, – ликвидацию мечети Узун Чарши в городе Карасубазаре утвердить[20].

В 1925 году в Карасубазаре состоялся процесс ликвидации мечети Чартерли, построенной в 1874 году. Для строительства этой мечети в качестве материала использовался калыб на каменном фундаменте. Покрыта она была традиционно татарской черепицей. Её размеры в длину составляли 12,5 аршин, ширину – 7,5 аршин и высоту – 5,5 аршин[21]. 25 мая 1925 года комиссия в составе заведующего церковным столом Карасубазарского РИК Н.П. Паливоды и городского техника Григорьянца произвела обследование здания мечети Чартерли. В составленном акте они, в частности, указали, что мечеть находится в состоянии полного разрушения: окна, двери, пол и потолок выломаны и

[17] ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 1576. Л. 42об.
[18] ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 1247. Л. 6.
[19] ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 1247. Л. 10.
[20] Там же. Л. 8.
[21] ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 1256. Л. 3.

вынесены, половина крыши обвалилась, черепица разбилась, калыбная ограда вокруг мечети и кладбища сломана, в связи с чем открыт свободный доступ для свалки мусора[22]. Сложившуюся ситуацию представители городских властей объясняли тем, что в ближайшей части Карасубазара проживало только пять семей крымских татар, которые не могли взять здание мечети в аренду и были прихожанами в другой близлежащей мечети. В акте представители комиссии предлагали определить дальнейшую судьбу здания так: половину оставшейся крыши разобрать, лес употребить на дрова, так как для строительных работ он уже не пригоден, черепицу употребить на более полезные цели, стены разобрать и выбранным калыбом заложить отверстия в сломанной ограде, дабы там не устраивалась беднейшими жителями свалка мусора[23]. Таким образом, мечеть подлежала исключению из списка учёта культовых зданий, которые велись в Карасубазарском РИКе. 6 августа 1925 года в Карасубазарский исполком поступило распоряжение о необходимости соблюдения установленной советской процедуры закрытия культового здания. Церковная двадцатка не была образована, таким образом советскими органами судьба здания мечети была возложена на верующих. 5-6 ноября 1925 года на заседании президиума ЦИК Крымской АССР было принято окончательное решение о судьбе здания. В протоколе №34 фиксировалось постановление: «Принимая во внимание отсутствие верующих, желающих получить в пользование мечеть и разрушенное её состояние, мечеть «Чартерли» г. Карасубазара закрыть».

21 июня 1927 года состоялось проведение технической экспертизы мечети Курман-Али городским техником М.М. Павловым. В составленном по итогам работы акте установлено, что здание совершенно разрушено[24]. 23 июня 1927 года административным отделом Карасубазарского РИКа было составлено заключение, в котором указывалось, что несмотря на троекратную публикацию, со стороны верующих заявок на мечеть Курман-Али не поступало, мечеть совершенно разрушена, ремонт нецелесообразен, мечеть подлежит ликвидации[25]. Комиссия по делам культа при Президиуме ЦИК Крымской АССР приняла решение о ликвидации мечети Курман-Али 18 ноября 1927 года.

Мечеть Кара-Халиль была построена в 1843 году. Длительное время здание мечети не использовалось. 29 марта 1927 года обследование здания

[22] ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 1256. Л. 3.
[23] Там же.
[24] ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 1484. Л. 2.
[25] Там же. Л. 1.

 ISSN 2618-9569

мечети Кара-Халиль было осуществлено руководителем стола религиозных культов административного отдела Карасубазарского РИКа Аверкиевым. В составленном им акте он отметил, что здание находится в полуразрушенном состоянии, требует ремонта, никем из групп верующих для богослужебных целей не используется[26]. 21 июня 1927 года здание мечети Кара-Халиль было обследовано городским техником Карасубазара М.А. Павловым. В акте, составленном по итогам работы, отмечалось, что мечеть, выстроенная из камня и крытая черепицей, находится в полуразрушенном состоянии, требует капитального ремонта на сумму приблизительно в 1200 рублей[27]. Комиссия по делам культов при президиуме ЦИК Крымской АССР 18 ноября 1927 года протоколом №11 приняла решение о закрытии мечети Кара-Халиль[28].

21 июня 1927 года городской техник Карасубазара М.А. Павлов осуществил обследование здания мечети Шамрат, построенной в 1854 году. В составленном по итогам работы акте М.А. Павлов отмечал, что здание мечети находится в полуразрушенном состоянии, требует ремонта стоимостью в 2000 рублей[29]. На опубликованное объявление о возможности получить здание мечети Шамрат в аренду никто не откликнулся. Судьба мечети была решена на заседании комиссии по делам культа при президиуме ЦИК Крымской АССР, состоявшемся 18 ноября 1927 года. В протоколе №11 постановлялось ликвидировать мечеть Шамрат в городе Карасубазаре «вследствие отсутствия желающих пользоваться ею для культовых целей»[30].

15 апреля 1927 года был заключен договор о принятии в аренду мусульманским объединением мечети Кара-Чора. До этой даты здание мечети не использовалось и не было в аренде у объединения верующих[31].

13 мая 1927 года был заключен договор о сдаче в аренду мусульманскому объединению мечети Улу-Хани[32]. 14 мая был заключён договор о принятии в аренду «церковной двадцаткой» здания мечети Шан-Гирей[33]. До этого времени здания этих мечетей не использовались и не были в аренде у мусульманской общины.

13 июня 1928 года здание мечети Аджи-Осман обследовала комиссия, включавшая городского техника М.А. Павлова и инспектора при уполномо-

[26] ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 1486. Л. 3.
[27] Там же. Л. 2.
[28] Там же. Л. 5.
[29] ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 1487. Л. 2.
[30] ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 1487. Л. 5.
[31] ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 1494. Л. 1.
[32] ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 1495. Л. 1.
[33] ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 1492. Л. 1.

ченном Народного комиссариата финансов Крымской АССР по госфондам по Карасубазарскому району Ю.Е. Судакевича. Присутствие последнего было не случайно, поскольку именно Госфонды осуществляли снос здания и реализацию строительного материала. Было подсчитано, что при разборе здания мечети можно получить строительного материала на 184 рубля. В частности, в документе отметили 1000 штук черепицы, 4000 штук пригодного к дальнейшему использованию калыба, 35 кб. штук плиточного камня и 3,5 тонны деревянных материалов[34]. Согласно данным Карасубазарского РИКа, здание мечети не использовалось верующими на протяжении десяти лет, прихода «Аджи-Осман» больше не существовало. 6 августа 1928 года на заседании Центральной комиссии по делам культов при Президиуме ЦИК Крымской АССР было принято решение о ликвидации мечети Аджи-Осман[35].

Сложная ситуация складывалась и в г. Старый Крым.

28 октября 1922 года в отдел Управления при Феодосийском райисполкоме обратилась группа крымских татар с просьбой передать им предназначенное для религиозных целей имущество Старо-Крымской мечети в бесплатное пользование для отправления богослужений[36]. В заявлении содержались подписи двадцати прихожан Соборной мечети Старого Крыма, которые избрали из их числа Юнуса Казиева уполномоченным для решения текущих вопросов с советскими органами власти. Ю. Казиев должен был подписать также договор о передаче имущества в аренду общине. Он был постоянным жителем города, проживавшим в принадлежащем ему доме. Юнус Куртнабиев Казиев от имени общины заключил договор с Феодосийским Окружным исполнительным комитетом. В договоре, в частности, указывалось, что община приняла от исполкома в бессрочное бесплатное пользование находящееся в городе Старый Крым Старо-Крымского района здание Соборной мечети с богослужебными предметами[37].

10 июля 1925 года в описи Старо-Крымской соборной мечети указывалось, что здание мечети каменное, с двором порядка тысячи саженей[38]. В описи движимого имущества мечети фиксировалось наличие трёх шерстяных ковров, пяти войлоков, девяти циновок, двух подсвечников и одной люстры[39]. В дополнение к описи имущества мечети был составлен акт-оценка.

[34] ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 1577. Л. 5.
[35] Там же. Л. 8.
[36] ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 1247. Л. 2.
[37] Там же. Л. 3.
[38] Там же. Л. 4.
[39] Там же. Л. 6.

 ISSN 2618-9569

Один каменный мераб был оценен в 30 рублей. Люстра из меди и фарфора – в 25 рублей, ковры – в 50, и остальное имущество едва доходило до 35 рублей[40]. Прихожане пользовались мечетью до начала 1930-х годов.

26 октября 1931 года в Старом Крыму состоялось общее собрание крымских татар, на котором присутствовало всего 47 человек. Первый доклад Ильмиева был посвящен закрытию мечети, а второй и третий – подготовке к четырнадцатой годовщине Октябрьской революции и проведению кампании всеобуча и ликвидации неграмотности. Первый докладчик в своём выступлении указывал, что в 1930 году на общем собрании татарское население города отказалось от мечети в пользу музея. Однако до настоящего времени музей не создан, в связи с чем Ильмиев предложил еще раз подтвердить закрытие мечети и передачу здания под музей[41]. В прениях остальные присутствующие говорили, что мечеть по прямому назначению не функционирует уже три года и создание музея – настоятельная задача. Собрание приняло следующую резолюцию: «Мы население Старого Крыма считаем что не за что платим всякие налоги для помещения мечети т.к. она считается совершенно бесполезной единогласно отдаём здание мечети под помещение музея и вызываем другие нации последовать нашему примеру»[42] [сохранены орфография и пунктуация документа – Авт.]. Была создана тройка для сбора подписей под решением общего собрания, постановившего обратиться в органы советской власти о закрытии мечети. 17 ноября 1932 года последовало заседание президиума Старо-Крымского городского совета под председательством Каскова. Было принято постановление, соглашающееся с ходатайством татарского населения о закрытии мечети. В этом же постановлении решено снести деревянный верх мечети как пришедший в полную негодность, а сохранившуюся часть здания мечети передать в ведение Крымохриса с отнесением капитального ремонта за его счёт[43]. Далее документ был направлен в вышестоящую инстанцию. В итоге 20 марта 1932 года на заседании Президиума ЦИК Крымской АССР было принято решение: «Мусульманскую мечеть в г. Красный Крым ликвидировать ввиду требования трудящихся масс и заключения технической комиссии о непригодности здания. Помещение мечети предложить Райисполкому, при установлении, что последнее не является на учёте ОХРИСа, – снести»[44].

[40] ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 1247. Л. 10.
[41] ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 1701. Л. 9.
[42] Там же. Л. 9об.
[43] Там же. Л. 8.
[44] Там же. Л. 2.

Заключение

Таким образом, политика в области антирелигиозной пропаганды в Крымской АССР не реализовывалась в полной мере. Во многом причина крылась в подборе кадров, занимавших должности на местах. Не последнюю роль сыграл и недостаток финансирования тех или иных антирелигиозных мероприятий. В то же время самих трудящихся больше волновали проблемы социально-экономического характера, особенно, если учесть условия, в которые их ставила коллективизация, индустриализация и социалистическое строительство. Примерно к концу 1939 года в организациях сложилась определенная система антирелигиозной работы, однако развернуть её не пришлось, так как в годы Великой Отечественной войны и силы «безбожников», и силы верующих были брошены на борьбу с фашизмом[45] [46].

Литература

1. Соколов Д.В. Оскудение верой: Таврическая епархия в годы гонений (1921–1941 гг.). *Livejournal.* [Электронный ресурс]. – URL: https://d-v-sokolov.livejournal.com/28743.html (дата обращения: 02.08.2021).

2. Тихомиров П. *О преодолении религиозных пережитков.* Симферополь: Госиздат КрымАССР; 1939. 79 с.

3. Соколов Д.В. Крымские новомученики. *Livejournal.* [Электронный ресурс]. – URL: https://d-v-sokolov.livejournal.com/477980.html (дата обращения: 01.08.2021).

4. Соколов Д.В. Расстрелянные за веру. Крымское православное духовенство и политические репрессии 1917-1930-х гг. *Русская линия.* [Электронный ресурс]. – URL: https://rusk.ru/st.php?idar=114702 (дата обращения: 09.08.2021).

References

1. Sokolov D.V. Oskudenie veroj: Tavricheskaja eparhija v gody gonenij (1921–1941 gg.) [The impoverishment of faith: the Taurida diocese during the years of persecution (1921–1941)]. *Livejournal.* [Electronic source]. Available at: https://d-v-sokolov.livejournal.com/28743.html (Accessed: 02.08.2021). (In Russian)

2. Tihomirov P. *O preodolenii religioznyh perezhitkov* [Overcoming Religious Vestiges]. Simferopol: Gosizdat KrymASSR Press; 1939. 79 p. (In Russian)

[45] ГАРК. Ф. Р-4056. Оп. 1. Д. 1. Л. 141.
[46] Там же. Л. 344.

 ISSN 2618-9569

3. Sokolov D.V. Krymskie novomucheniki [New Crimean martyrs]. *Livejournal.* [Electronic source]. Available at: https://d-v-sokolov.livejournal.com/477980.html (Accessed: 01.08.2021). (In Russian)

4. Sokolov D.V. Rasstreljannye za veru. Krymskoe pravoslavnoe duhovenstvo i politicheskie repressii 1917–1930-h gg. [Shot for their faith. Crimean Orthodox clergy and political repressions of the 1917–1930s.]. *Russkaja linija.* [Electronic source]. Available at: https://rusk.ru/st.php?idar=114702 (Accessed: 09.08.2021). (In Russian)

Информация об авторе

Кондратюк Григорий Николаевич, доктор исторических наук, профессор кафедры истории ГБОУВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова»; ведущий научный сотрудник Крымского научного центра Института истории им. Ш. Марджани АН РТ, г. Казань, Российская Федерация

About the author

Grigory N. Kondratyuk, Dr. Sci. (History), Professor of the Department of History Fevzi Yakubov's Crimean Engineering and Pedagogical University; Leading Researcher of the Crimean Scientific Center of the Sh. Mardzhani Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan.

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 5 октября 2021
Одобрена рецензентами: 1 ноября 2021
Принята к публикации: 21 ноября 2021

Article info

Received: October 5, 2021
Reviewed: November 1, 2021
Accepted: November 21, 2021